

Вечерние тучи сгущались, гром и ураганный ветер обрушились с небес. Всё вокруг погрузилось во тьму, и лишь Пик Трех Жизней у Врат Цин, казалось, был обласкан Небесным Путем: на этой узкой вершине сиял ослепительный свет, и посреди него долгое время стоял одинокий человек.

Его загнали в ловушку, он оставлял за собой длинный кровавый след, шатался, не переставая кашлять кровью, а духовная сила вокруг него колыхалась, как пламя свечи на ветру. Если бы не его старший брат, Истинный человек Гэ Цин, который сопровождал его, он бы давно погиб под ногами тысяч людей.

Казалось, он осознал, что оказался в тупике. Подняв голову, он улыбнулся темной массе людей перед собой.

На его лице засохла кровь, и эта улыбка обрела пугающую, захватывающую дух красоту, словно мак, выросший на крови — опасный, ядовитый, смертельный.

Этот человек — некогда прославленный Истинный человек Унянь. К сожалению, он ошибся с учеником, и один неверный шаг повлек за собой череду других. От некогда опоры праведного пути он превратился в кровожадного демона. Сегодня он оказался в безвыходном положении, окруженный праведниками, и уже не мог избежать своей судьбы.

Кто-то в толпе наконец опомнился, очнувшись от ошеломления, вызванного его красотой, и с ужасом закричал:

— Демон, сдавайся скорее!

Гэ Цин, поддерживая Уняня, сплюнул:

— Демон, демон — вам легко это говорить! Я не верю ни единому слову из того, что вы о нем говорите. Если есть смелость и хотите убить его, сначала убейте меня!

Унянь схватил Гэ Цина за руку и с сожалением произнес:

— Старший брат.

С детства старший брат всегда его опекал, но на этот раз он его разочарует.

Две стороны, не желая уступать, неизбежно вступили в жестокую схватку, но двое не могли противостоять тысячам. И всё же Гэ Цин держался прямо, ни на мгновение не разжимая руки, удерживающей Уняня.

Видя, что Унянь и Гэ Цин — крепкие орешки, кто-то в толпе начал осыпать их проклятиями, перечисляя преступления Уняня, слова были омерзительны.

Унянь оставался спокоен: за столько лет он привык к этому. Но Гэ Цин не смог сдержать гнева: на его висках вздулись жилы, глаза налились кровью. Он ненавидел свою слабость и бессилие уничтожить этих сквернословов.

Но внезапно все смолкли. Толпа, словно вода, расступилась, освобождая путь. И по этому пути медленно вышел человек.

Увидев его, Гэ Цин от злости рассмеялся:

— Мерзавец.

Сяо Юньцзинь с серебряным мечом в руке медленно приближался к ним. Каждый его шаг был твердым и уверенным. Все замерли, с замиранием сердца ожидая зрелище, как ученик убьет своего наставника.

Унянь был уже на исходе сил, едва дыша. Он с трудом приоткрыл веки, глядя на приближающегося человека, и упрямо оттолкнул Гэ Цина, желая стоять самостоятельно.

Сердце Гэ Цина разрывалось от боли, но он понимал: это была кармическая связь между наставником и учеником, и он не имел права вмешиваться.

Унянь закашлялся кровью, вытер уголки рта. Взгляд затуманился, он едва мог разглядеть смутный силуэт человека с красивым и чистым мечом.

Это был его меч жизни — Чуюнь. Хороший меч достоин благородного мужа.

Унянь слабо улыбнулся:

— Чуюнь в твоих руках — это хорошее пристанище.

Рука Сяо Юньцзиня, державшая рукоять меча, внезапно сжалась.

Сяо Юньцзинь на мгновение замер, затем холодно произнес:

— Учитель —

Унянь отозвался:

— Я здесь.

— Это ты сговорился с семьей Гунсунь?

— Да.

— Это ты уничтожил мой род?

— Да.

— Это ты, позавидовав моему духовному алтарю, возненавидев меня до глубины души, подложил мне ядовитых личинок?

Дыхание Уняня участилось, казалось, оставался лишь один вздох, но он всё же из последних сил открыл глаза, встретив холодный, но с тенью мольбы взгляд Сяо Юньцзиня, и произнес:

— Я.

Грохот!

С девяти небес обрушились три серебристо-фиолетовых молнии, за которыми последовал ливень. Сяо Юньцзинь молча и быстро пронзил грудь Уняня мечом Чуюнь, лезвие вышло из спины, кровь, смешиваясь с дождем, стекала по клинку.

Меч Чуюнь, пронзив грудь своего хозяина, издал пронзительный стон.

Под ливнем кровь Уняня, смешанная с дождевой водой, растеклась у ног Сяо Юньцзиня.

В день, когда Истинный человек Унянь погиб и его путь угас, на Пике Трех Жизней все цветы осыпались, птицы слетелись к могиле, сосны и кипарисы засохли. Врата Цин не видели солнечного света сто лет.

Единственный луч света на Пике Трех Жизней тоже исчез.

—

Потомки записали так:

Истинный человек Унянь, прозванный Господином Срывающим Цветы, отвергнув бессмертие, пал в демонство, убивал без счета, мучил собственного ученика, замыслил зло, творил всевозможные бесчинства, из-за чего праведники объединились для его уничтожения. Демон был хитроумен и не раз ускользал. Но в конце концов был убит своим учеником Сяо Святым на Пике Трех Жизней, что доставило всем великую радость!

Чжунчжоу

Лу Бэньи железным ломом открыл плотно закрытую каменную дверь. Дверь выглядела старой, покрытой пятнами времени, и, упав на землю, подняла облако едкой пыли.

Лу Жоцзя с дрожью выглянул из-за спины Лу Бэньи:

— Сяо И, мы правда... пойдём внутрь?

Лу Бэньи махнул рукой перед носом, откашлялся, прогоняя пыль:

— Дверь уже открыта, давай заглянем. Нельзя же возвращаться с пустыми руками.

Лу Жоцзя долго набирался смелости, наконец выдохнул и стиснул зубы:

— Ладно, пойдём. Может, нам повезет, и мы найдём свою удачу.

Едва он это произнес, как они оба шагнули в мрачный склеп.

Свечи на каменных стенах мгновенно вспыхнули, пламя затанцевало, отбрасывая длинные и причудливые тени, создавая жуткую атмосферу.

Лу Жоцзя, стараясь звучать смелее, спросил:

— Эти свечи... почему они сами зажглись?

Лу Бэньи, стараясь сохранить хладнокровие, ответил:

— Должно быть, мы где-то задели механизм.

Лу Жоцзя последовал взгляду Лу Бэньи и в ту же секунду издал короткий звук, который был заглушен рукой Лу Бэньи, плотно закрывшей его рот.

Весь склеп был окутан тусклым жутким светом. Вокруг было пусто, и лишь в центре зала стоял черный гроб.

Гроб явно был дорогим: несмотря на века, проведенные в темноте, он выглядел совершенно новым.

Лу Бэньи, используя свои методы, определил возраст склепа. Его лицо несколько раз изменилось, прежде чем он с трудом произнес:

— Почти пятьсот лет.

Лу Жоцзя весь затрясся:

— То есть... это значит...

В глазах Лу Бэньи запылали огоньки:

— Владелец гробницы умер триста лет назад, до Священной войны. В гробу наверняка есть что-то ценное. Давай откроем!

Они, как опытные грабители могил, соблюдали все правила: фэншуй, время, технику. Когда всё было сделано, оба они были полностью измотаны. Лу Бэньи, собрав последние силы, приподнял крышку гроба.

Но едва тяжелая крышка приоткрылась, из темной щели внезапно вырвалась бледная, тонкая рука с вздувшимися венами и цепко ухватилась за край гроба.

И в этот момент никто не знал, что далеко на севере, на Пике Трех Жизней, появились трехцветные облака, по всей горе разнеслись звонкие песни птиц и зверей, сосны зашумели, словно морские волны, а тот луч света, который исчез пятьсот лет назад, по милости Небесного Пути, вновь засиял на вершине.

Внутри Врат Цин древний колокол зазвучал, его звон бил прямо в сердца. А в Чжунчжоу, глубоко под землей, меч Чуюнь начал сильно вибрировать, издавая непрекращающийся звон.

Сяо Юньцзинь, находясь в Академии, почувствовал что-то, остановил руку с кистью, нахмурился и посмотрел в сторону далекого севера.

А здесь Лу Жоцзя и Лу Бэньи, охваченные ужасом, упали на пол, их предсмертные вопли эхом разнеслись по склепу.

Лу Бэньи с трудом сохранял спокойствие, он старательно выполнял все сложные ритуалы, пытаясь спасти себя и брата от этой восставшей из мертвых руки.

Но прежде чем он успел закончить сложные заклинания, огромный черный гроб взорвался с громким треском, и по полу растеклась черная жижа. Инстинктивно оба брата закрыли рты и носы.

Но, закрыв лица, они не ослепли.

Они увидели юношу в белой одежде, стоящего напротив. Белые одежды были изодраны и пожелтели от времени, но юноша обладал изысканной внешностью. Он лениво зевнул, затем его густые ресницы дрогнули, открывая черные, блестящие глаза.

Лу Жоцзя дрожащим голосом произнес:

— При... привидение... А-а-а-а! Поща... пощадите...

Юноша, раздраженно нахмурившись, сказал:

— Не шумите...

Лу Бэньи воспользовался моментом, чтобы перевести дух. Он уже приготовился почувствовать смрад тления, но вместо этого ощутил аромат лекарственных трав.

<http://bllate.org/book/16414/1487328>